

0. 778733

На правах рукописи

КЛИМОВА Светлана Борисовна

БАЙРОН В ВОСПРИЯТИИ БУНИНА (АСПЕКТЫ РЕЦЕПЦИИ)

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(западноевропейская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород - 2009

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
КИРНОЗЕ Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ИЛЬЧЕНКО Наталья Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
ФЕКЛИН Михаил Борисович

Ведущая организация: Тамбовский государственный
университет
им. Г. Р. Державина

Защита состоится «3» июня 2009 года в 11.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.163.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31 а, III корп., конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научном читальном зале библиотеки Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31 а).

Текст автореферата размещен на сайте www.lunp.ru

Автореферат разослан 29 апреля 2009

Ученый секретарь
диссертационного совета

В. В. Денисова

Общая характеристика работы

Понятие рецепции является важнейшим в современном литературоведении. Определение рецепции как диалога применительно к системе «литература», использованное в данной работе, основано на центральном положении отечественного сравнительного литературоведения о диалогичном характере литературного процесса. Идея А. Н. Веселовского о «внутреннем согласии» между «влиянием чужого элемента» и «уровнем той среды, на которую ему приходится действовать»,¹ известная как идея о «встречных течениях», легла в основу исследований многих советских ученых-компаративистов. Термин «влияние», примененный Веселовским, был использован в компаративных исследованиях, разрабатывавших «теорию влияний». Этот термин, однако, не отражал идеи диалогичности и был пересмотрен в теоретических трудах Д. Дюришина, В. М. Жирмунского, И. Г. Неупокоевой. Термины «воздействие», «восприятие» (Д. Дюришин) и «литературные связи» (В. М. Жирмунский, И. Г. Неупокоева) воплотили идею о существовании прямых и обратных связей между произведением, традицией и читателем.

В западной филологии идеи об индивидуальности и относительности понимания стали особенно актуальны в середине XX века. Постулированные в философии герменевтики (Х. Г. Гадамер, П. Рикер), они были использованы в рецептивной эстетике (Х. Р. Яусс и В. Изер). Одной из ее центральных проблем является проблема перевода. Перевод предполагает интерпретацию произведения читателями, принадлежащими иной эпохе, иной культурной традиции, иной культурной среде.

Перевод как особый вид межкультурного диалога исследуется в работах концептуально-культурологического направления в современной филологии. Для данного исследования особое значение имеет мысль о том, что

¹ Журнал Министерства народного просвещения. - Ч. СХХ, декабрь, 1863, отд. II. - С. 557 - 558.

переводчик работает на грани двух национальных традиций – «концептосфер» - и переводит не слова, но «концепты» - смыслы высказывания, возникающие на пересечении «семантического ядра» культуры и языка с «переменными величинами», «возникающими в контексте».¹ В результате деятельности переводчика текст, написанный в рамках одной культуры, на одном языке, становится текстом другой культуры, связанным с первым смысловым «межтекстовым инвариантом». В этом аспекте перевод является особым «метатекстом», то есть порождением и способом существования литературной коммуникации, а также особой «моделью «прототекста»», ориентированной на максимальное сохранение его смыслов в новых «культурных, литературных и языковых условиях».²

Понятие «концептосфера» основано на представлении о целостном и взаимосвязанном существовании системы концептов. Термин, введенный в научный оборот Д. С. Лихачевым, в настоящей работе понимается как «смысловой универсум», соотнесенный с картиной мира ее носителя.³ «Концепт» в работе трактуется как основная единица культурной и межкультурной коммуникации, выявляющая «взаимодействие всех основных антропологических факторов культуры: исторического, социального, этнического, психологического, языкового».⁴

Понятия «концепт» и «концептосфера», рассмотренные с точки зрения их роли в межкультурном диалоге, являются важнейшими для современного сравнительно-исторического исследования, в частности, для рассмотрения проблемы рецепции в данной работе.

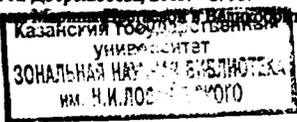
Рецепция творчества Байрона в России имеет длительную историю. Исследованию русского байронизма посвящали свои труды такие ученые как Н. И. Стороженко («Влияние Байрона на европейскую литературу», 1902),

¹ Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. Системный подход. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. – С. 149.

² Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 8.

³ Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. Системный подход. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2003. – С. 95.

⁴ Цветкова М. В. Рецепция поэзии Байрона в России. Дис...д-ра филол. наук: 10.01.03. – М.: МПГУ, 2003. – С. 47.

А. Н. Веселовский («Школа Байрона», 1904, «Этюды о байронизме», 1905), В. М. Жирмунский («Байрон и Пушкин», 1978), М. П. Алексеев («Байрон и русская дипломатия», 1982).

На рубеже XIX – XX вв. рецепция творчества Байрона в русской культуре носит особенный характер. Байронизм Серебряного века охватывает сферы перевода и оригинального творчества писателей, сферу издания сочинений Байрона, сферы театральных постановок и музыкальных воплощений байроновских образов, сферу литературоведческих работ и философско-литературной публицистики. Байронизм Серебряного века исследовался в работах Ю. Д. Левина, С. А. Небольсина, Л. И. Никольской, Н. И. Тюлиной. Однако вопрос о его особенностях остается открытым. Постановка этого вопроса в диссертации связана с ее основной концепцией, а именно: с рассмотрением рецепции Буниным творчества Байрона как многоуровневого диалога переводчика с английским поэтом, с традицией английского романтизма, с английской культурой, с эпохой Серебряного века и национальной русской концептосферой.

Среди имен русских художников, так или иначе воспринявших байроновские смыслы и формы их выражения в эпоху Серебряного века, - Брюсов, Блок, Иванов, Горький, Мережковский. Этот ряд можно далеко продолжить, выделив как особый случай наследие выдающегося русского поэта, писателя и переводчика, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина (1870 – 1953). В 1900-х годах Бунин переводит «метафизические» драмы Байрона «Манфред», «Каин» и «Небо и Земля». В 1901 г. он совершает «паломничество» по стопам Байрона и Манфреда в Швейцарские Альпы и пересоздает биографический опыт байронизма в рассказе «Тишина» (1901). Байронические темы и мотивы своеобразно воплощаются в его оригинальном творчестве этого времени. В позднем философском эссе Бунина «Освобождение Толстого» (1937) имя Байрона

связывается с «рассуждением» как парадоксальным и сущностным явлением человеческой психики.¹

Творчество Джорджа Гордона Байрона (1788 – 1824) является предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей в течение многих десятилетий. Байрону посвящали труды Б. Битти, Р. Глекнер, Л. Марчанд, Н. Я. Дьяконова, А. А. Елистратова, А. С. Ромм и др. В исследованиях о Байроне рассматриваются вопросы его биографии, мировоззрения, поэтики, стиля, связи его творчества с культурой Просвещения, творчеством Мильтона, Шекспира, с английским и шотландским фольклором, с произведениями других поэтов-романтиков. В данной работе акценты ставятся на исследовании философских взглядов Байрона позднего периода творчества и на рассмотрении их воплощения в «метафизических» драмах в аспекте особенностей их жанра и концептосферы. В диссертации прослеживаются точки схождения и расхождения жизненных и творческих путей Байрона и Бунина.

Творчество И. А. Бунина пристально изучается отечественными литературоведами именно в настоящее время. Запрещенный в 20-е годы как писатель-эмигрант, Бунин начал активно издаваться на родине только в 50-е годы XX столетия.² Его творческое наследие по-новому актуально зазвучало в постсоветскую эпоху. Исследованию различных аспектов его жизненного и творческого пути посвящены труды О. Н. Михайлова, Л. А. Смирновой, Ю. В. Мальцева, М. С. Штерн и др. В работе особое место занимают вопросы мировоззренческой позиции писателя и способов ее выражения в произведениях 1900-х годов.

Аспектная постановка проблемы рецепции творчества Байрона у Бунина позволяет делать акцент на переводах. В связи с этим основным предметом исследования в работе являются «метафизические» драмы Байрона и их переводы Буниным. Байроновские тексты и метатексты Бунина,

¹ Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Terra-Книжный клуб, 2009. Т. 7. – С. 153.

² Бунин И. А. Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Правда, 1956.

рассматриваемые как явления межкультурной коммуникации, сопоставляются с точки зрения соотношения основных концептов, образующих концептосферу «метафизических» драм Байрона, с концептами переводов. Вместе с тем, внимание уделяется и таким аспектам «пересоздающей» рецепции Бунина, как оригинальное творчество и нехудожественные выступления русского писателя. Как результат и способ выражения «внутренней потребности в культурном «импорте»» (В. М. Жирмунский), бунинское восприятие творчества английского поэта связывается в работе со «встречным течением» в его жизненном и творческом пути.

Основной объект исследования составили «метафизические» драмы Байрона «Манфред», «Каин», «Небо и Земля», переписка и дневники Байрона, переводы «метафизических» драм Буниным, поэзия, проза, переписка и дневники Бунина 1900-х гг. Вместе с тем, возникла необходимость обращения к бунинской публицистике и дневникам более позднего, эмиграционного периода.

Основой для исследования бунинских переводов из Байрона стали концепции Ю. Д. Левина, А. Поповича, П. М. Топера, а также идея о переводе как «метаартефакте, входящем в систему принимающей культуры». Проблема бунинских переводов из Байрона затронута в работах Н. М. Любимова, А. А. Нинова, Л. Н. Никольской. Однако вопросы о причинах обращения Бунина к Байрону, о смысловых схождениях и расхождениях перевода и оригинала, о месте переводов в творчестве Бунина, об их вхождении в культуру Серебряного века остаются за пределами этих работ. Эти вопросы ставятся в данном диссертационном исследовании.

Актуальность исследования определяется рассмотрением проблемы рецепции на материале многогранного личностного восприятия творчества Байрона в переводах и оригинальном творчестве Бунина.

Новизна исследования обусловлена акцентной постановкой проблемы рецепции творчества Байрона в переводах Бунина в аспекте соотношения концептосфер оригинальных текстов и метатекстов.

Цель диссертации – раскрытие особенностей и механизмов рецепции творчества Байрона в оригинальном творчестве, переводах и философских размышлениях Бунина в контексте русского байронизма эпохи Серебряного века. Данной целью определяются следующие задачи:

- сопоставить мировоззренческие основы художественного мира у Байрона и Бунина в контексте схождений и расхождений их жизненных и творческих путей;
- определить особенности рецепции творчества Байрона у Бунина в контексте русского байронизма на рубеже XIX – XX веков;
- определить смысловой центр, объединяющий «метафизические» драмы Байрона;
- сопоставить английские концепты Байрона с соответствующими русскими концептами в переводе Бунина

Поставленные задачи определяют методологию исследования. Работа написана на базе биографического, культурно-исторического методов, компаративистики и сравнительной концептологии.

Теоретико-методологическую основу работы составили труды отечественных и зарубежных ученых-компаративистов А. Н. Веселовского, М. П. Алексеева, Д. Дюришина, В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, И. Г. Неупокоевой. В теоретическую базу исследования легли также исследования в сфере концептологии С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова; труды ученых, посвященные проблемам диалога, М. М. Бахтина, Х. Р. Яусса, В. Изера, Х. Г. Гадамера. Труды по мифологии и мифопоэтике В. Н. Топорова, Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева, М. Элиаде и других ученых составили теоретическую базу исследования в связи с аспектным взглядом на художественный мир Байрона с точки зрения мифа. В теоретическую основу исследования легли также труды по теории

стихосложения М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, Л. Я. Гинзбург, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова и др. Особенное значение для исследования художественного мира И. А. Бунина в диссертации получила работа Б. А. Успенского «Поэтика композиции»,¹ а также труды ученых Нижегородского лингвистического и Нижегородского педагогического университетов.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что ее основные положения и результаты исследования могут найти применение при чтении общего курса по истории зарубежной литературы в высших учебных заведениях, специальных курсов и спецсеминаров по английской литературе начала XIX в. и по творчеству Байрона, в курсе межкультурной коммуникации, а также при составлении учебных пособий по названным темам и курсам. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях «метафизических» драм Байрона и рецепции Байрона в России на рубеже XIX – XX вв.

Апробация исследования осуществлялась во время научной командировки в Англию в 2004 – 2005 учебном году. За время поездки были сделаны доклады на международной конференции Ньюстедского байроновского общества (Ноттингемский университет, апрель 2005), на IV международной студенческой конференции, посвященной Байрону (Греция, Миссолунги, май 2005), на международной конференции Байроновского общества (Ирландия, Дублин, август 2005). Кроме того, по аспектам диссертации были сделаны доклады на XV и XVI Пуришевских чтениях (М., 2003, 2004), на I Гумбольдтовских чтениях (СПб., 2003), на II Бодуэновских чтениях (Казань, 2003), на Всероссийской конференции «Межкультурное взаимодействие и его интерпретации» (М., РАН, 2004), на международной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (Н. Новгород, 2005). Апробация исследования осуществлялась также в обсуждениях на аспирантских семинарах кафедры зарубежной литературы и

¹ Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 9 – 221.

коммуникации НГЛУ, а также на занятиях по английской литературе первой половины XIX в. на педагогическом факультете.

Основные положения диссертации отражены в шестнадцати публикациях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рецепция Буниным творчества Байрона, нашедшая выражение в переводах, оригинальном творчестве и жизненном пути русского писателя, основана на глубинных схождениях и расхождениях жизненных путей двух художников, их мировоззренческих позиций, эстетических ориентиров, художественных миров.

2. Интерес Бунина к английскому писателю тесно связан с новым «поворотом к Байрону» в России на рубеже XIX – XX вв. Специфика байронизма Серебряного века определяется чертами опосредованного (традицией и современностью) воздействия Байрона на оригинальное творчество русских писателей, важностью историко-философского осмысления его творчества, повышенным интересом к «метафизическим» драмам.

3. Осмысление Буниным творчества Байрона имеет индивидуальный характер. Определяемое целостностью мировоззренческой позиции, бунинское восприятие Байрона основывается на представлении о байроновском «демонизме» как части человеческой психики.

4. «Метафизические» драмы Байрона объединены общей концептосферой, в основе которой лежит трагический вариант романтического мифа о потерянном рае.

5. Концептосферу байроновских «метафизических» драм составляют концепты Faith, Knowledge, Freedom, Love. В переводах им соответствуют русские концепты Вера, Знание, Свобода, Любовь, неоднозначно соотносящиеся с английскими. В точках смыслового расхождения русских концептов с английскими прослеживается взаимоналожение национальной, эпохальной и личностной концептосфер.

Цели и задачи, поставленные в диссертации, а также предмет ее исследования, определили **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и двух приложений. Полный объем работы составляет 229 страниц, основной текст диссертации размещается на 185 страницах. Количество использованных библиографических источников составляет 354 наименования.

Содержание работы

Во **введении** дается определение понятиям «рецепция» и «восприятие»; понятия «концептосфера» и «художественный мир» разводятся в соответствии с разными взглядами на произведение; вводится понятие «метатекст» в отношении перевода. Выбор темы исследования аргументируется постановкой проблемы рецепции в аспекте соотношения концептосфер оригинальных текстов и метатекстов. В обзоре зарубежных и отечественных трудов, посвященных зрелому творчеству Байрона, раннему творчеству Бунина и рецепции Байрона в России обозначаются вопросы, необходимо возникающие в данной работе. Среди них – схождение и расхождение жизненных и творческих путей Байрона и Бунина, философских взглядов, особенности рецепции Байрона в эпоху Серебряного века, основные черты восприятия Буниным его творчества, жанровая и смысловая объединенность «метафизических» драм Байрона, соотношение их концептосферы с концептосферой бунинских переводов.

Первая глава «Рецепция Байрона в творчестве Бунина как явление «встречного течения»» представляет собой многоуровневый сравнительно-исторический анализ жизненных и творческих путей Байрона и Бунина на предмет поиска общих моментов, обусловивших внутреннюю потребность русского художника в обращении к творческому наследию Байрона. В первом разделе «*Байрон и Бунин в диалоге с эпохой. Схождения и расхождения*» анализируются моменты биографии Байрона, черты литературного, социального и живописного образа, сближающие его с

Буниним. Основные точки типологического и психологического сходства двух художников определяются в связи с их отношением к поэтическому творчеству, с их эстетическими ориентирами и сложным вхождением в эпоху, с их происхождением и воспитанием, со страстностью и рациональностью в их психологическом складе, с их отношением к истории. Вместе с тем, и в этих сближающих Бунина и Байрона моментах намечаются аспекты несовпадения.

Личностное сходство в точке страсти своеобразно высвечивается в связи с резким расхождением художников в способах ее художественного выражения, в подчеркивании (Байрон) и сокрытии (Бунин) страсти в их социальных и живописных (фотографических для Бунина) образах. Сближающиеся в отрицательном отношении к социальной игре, писатели расходятся в ее интерпретациях: у Байрона социальная игра предстает ханжеским приукрашиванием пороков в обществе, у Бунина - «мошенническим» прикрытием пустоты. Другим – положительным – полюсом игры в мировоззрении обоих художников определяется театральная игра и игра личности с историей, связанная с активной общественно-политической позицией художников.

Типологическое сходство писателей в их взглядах на мир является предметом исследования второго раздела «Духовные поиски: человек и мир». Анализ дневников, переписки, публицистики и художественных произведений Байрона и Бунина проводится по трем основным линиям – политические и исторические взгляды художников, представления художников о человеке и природе, взгляды художников на мироустройство.

Политические и исторические взгляды Байрона и Бунина сближаются в концепции повторяемости истории, в идее сопротивления как активного личного участия в современной истории, а также в представлении о связи повторяемости истории с особенностями человеческой природы. Вместе с тем, в понимании «сопротивления» и «активного» участия в истории Байрон и Бунин существенно расходятся. Для первого «сопротивление» (resistance)

есть политическое, моральное и онтологическое противостояние порокам (ханжеству – *cant*) и несвободе общества;¹ для второго – политическое, нравственное и онтологическое противостояние «нарочитости», «трюкачеству» опустошенного или озверевшего человека.² Позиция «активного» участия в истории влечет за собой открытую политизацию байроновского художественного мира и обуславливает героическое, житнетворческое участие Байрона в политической жизни Европы. Подобная позиция у Бунина определяет скрытое политическое звучание его произведений и словесную (публицистическую) борьбу с разрушительными тенденциями в обществе.

Основными точками соприкосновения представлений двух художников о человеке и природе являются идеи о преобладании «низкого» начала в человеке («страсть» (*passion*) у Байрона и «звериное» у Бунина), о связи человека с Богом через сокровенную часть его природы («разум» (*mind*) у Байрона и «душа» у Бунина), о важности роли разума в человеческом бытии, об онтологической красоте природы. В то же время, «страсть», «разум», красота природы у Байрона и «звериное», «душа» и красота природы у Бунина – понятия, во многом отличные друг от друга. Концепции человека у Байрона и Бунина сущностно расходятся в отношении двух- и трехпостасности человека. У Байрона «страсть», связанная с телом, предельно противостоит «разуму»; у Бунина же «звериное», соединяясь в человеке с божественным, преобразуется в «человеческое».

В разделе выдвигается идея о сосуществовании двух «точек зрения» в художественном мире бунинской поэзии 1900-х годов. Значимость этой идеи в отношении бунинской поэзии определяется тем, что одна из «точек зрения» (рациональная) генетически связана с байроновским творчеством, другая же (созерцательная) от нее отталкивается и ей противостоит.

¹ Lord Byron. Letter to John Murray on Bowle's strictures on Pope. February 1, 1821 // Lord Byron. Letters and Journals: In 13 vols. / Ed. by Lealie A. Marchand. - L.: John Murray, 1973 – 1994. Vol. 8. - P. 73.

² Бунин И. А. Автобиографические заметки // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. - М.: Terra-Книжный клуб, 2009. Т. 9. - С. 5 – 47.

Важнейшей областью скрепления взглядов двух писателей на мироустройство является представление о непостижимости онтологических основ бытия, генетически и непосредственно связанное и для Байрона, и для Бунина с Ветхим Заветом. В философских высказываниях и художественном мире Байрона на эту ветхозаветную основу накладываются пласты просветительского деизма и романтического культа личности. В философских высказываниях и творчестве Бунина 1900-х гг. ветхозаветное понимание мира обогащено и преобразено иными воздействиями - христианства и буддизма, понятых во многом через идеи Л. Н. Толстого и общие духовные поиски в России и Европе рубежа XIX – XX вв.

В творчестве Байрона в связи с этим важное место занимают ветхозаветные мифологемы, функционирующие не только на отдельных уровнях, но в целостной структуре текстов (цикл «Еврейские мелодии» (*Hebrew Melodies*, 1814 - 1815), мистерии «Каин» (*Cain*, 1821) и «Небо и Земля» (*Heaven and Earth*, 1821), отчасти «Манфред» (*Manfred*, 1816)). Основное направление разработки ветхозаветных мифологем у Байрона определяется наложением на жесткие отношения управления-подчинения между непостижимым, трансцендентным Создателем и отделенным от него человеком романтических представлений, утверждающих значимость человеческой личности. Как Байрон, Бунин в творчестве 1900-х гг. обращается непосредственно к библейским мифологемам. Однако важнейшими для него становятся не только ветхозаветные тексты, но и текст Апокалипсиса. В библейских стихотворениях Бунина («Самсон», «Столп Огненный», «Из Апокалипсиса». «День гнева» и др.) отношения между человеком и Богом выстраиваются как неоднозначные, но сохраняющие христианское ощущение сущностного единства Бога и человека.

Во второй главе «Бунин и русский байронизм на рубеже XIX – XX вв.» рецепция творчества Байрона у Бунина предстает в контексте русского байронизма эпохи Серебряного века и в контексте русской переводческой культуры этого времени. Байронизм Серебряного века, описываемый в

первом разделе «*Особенности русского байронизма в эпоху Серебряного века*», охватывает сферы перевода и оригинального творчества писателей, сферу издания сочинений Байрона, сферы театральных постановок и музыкальных воплощений байроновских образов, сферу литературоведческих работ и философской публицистики о Байроне. Среди особенностей рецепции Байрона этого периода важнейшими являются ее опосредованность русской литературной традицией и воздействием современных философско-эстетических концепций; повышенный интерес к Байрону в контексте ощущения «конца» европейской культуры; углубленное внимание к «метафизическим» драмам Байрона в связи с общекультурным поворотом к бытийным вопросам. Значимой чертой байронизма этого периода является также включенность теоретического – философского и литературоведческого – диалога о творчестве Байрона в общекультурный диалог о возможных путях развития человека и человечества.

Исходным представлением, сближающим разные взгляды на байронизм в эту эпоху, является идея о том, что в его основе лежит особое «миросозерцание», порожденное событиями и настроениями рубежа XVIII – XIX веков. Авторы литературоведческих работ (А. Кирпичников, Н. Котляревский, А. Веселовский, Н. Александров) утверждают историчность этого явления, его неактуальность в современную эпоху. М. Горький, Вяч. Иванов, А. Блок сходятся в ином положении, а именно: байронизм есть современное явление в том смысле, что оно имеет прямое отношение к современному духовному состоянию общества в России и Европе.

В разделе прослеживаются разнообразные проявления повышенного интереса русских к «метафизическим» драмам Байрона в этот период: появление симфонии П. И. Чайковского «Манфред», энтузиазм Рахманинова, связанный с ней, постановки «Манфреда», попытки постановки «Каина» и «Неба и Земли» в Художественном театре.

История обращения Бунина к переводу «метафизических» драм Байрона исследуется в контексте его переводческой деятельности и его жизнетворческого и литературного байронизма в период 1900-х годов во втором разделе «Бунинские переводы из Байрона: переводческие принципы Бунина, история его обращения к переводам «метафизических» драм». Переводческая деятельность Бунина предстает проявлением общего повышенного интереса к переводу на рубеже XIX – XX вв. в России. В то же время, она определяется внутренней, личной потребностью Бунина в переводе, связанной, в том числе, с романтическими корнями его творчества.

Путь Бунина-переводчика, сопоставленный с переводческими принципами других художников Серебряного века, определяется как «срединный», основанный на представлениях о необходимости сохранения в переводе внутреннего и внешнего сходства с оригиналом, с одной стороны, и о значимости естественного вхождения перевода в «свою» культурную традицию, с другой. Об этом свидетельствуют и собственно бунинские высказывания о переводах, его переписка, касающаяся работы над переводами из Байрона, а также тематически соотнесенные свидетельства его жены В. Н. Муромцевой-Буниной и биографа А. К. Бабореко.

Важным результатом анализа различных высказываний о бунинских переводах стал вывод о том, что инициатива Бунина в отношении переводов из Байрона, впоследствии поддержанная М. Горьким, является самостоятельным.

Рецепция Буниним поэзии Байрона не исчерпывается переводами, но охватывает области творчества и биографии. В 1900 г. Бунин совершил первое путешествие за рубеж, отправившись не только в Берлин и Париж, но и по следам Байрона (и Манфреда) на Женевское озеро. Свообразие бунинского художественного освоения байронических мотивов в период 1900-х годов связано с его философским осмыслением творчества Байрона, свидетельство которому находим в философском эссе «Освобождение Толстого». В «Освобождении» Бунин говорит о байроновском «демоне» как

о «воззрении», «мысли», представляющейся ему сущностной, архетипической частью человеческой психики. Для Бунина это воззрение имеет религиозный смысл, связанный с ситуациями искушения, отпадения от Бога и устремления к нему. Психологическое и, одновременно, архетипически-мифологическое восприятие Буниным поэзии Байрона своеобразно окрашивает его «байронические» стихотворения «Сатана Богу», «Джордано Бруно», «Каин», «Прометей в пещере».

Задачей **третьей главы** ««Метафизические» драмы Байрона в переводе Бунина» было установить характер смысловой объединенности «метафизических» драм Байрона и проанализировать их соотношение с переводами Бунина с точки зрения схождения и расхождения их концептосфер. В первом разделе ««Метафизические» драмы Байрона «Манфред», «Каин», «Небо и Земля»: история создания, жанровая характеристика. Миф о рае как их смысловой центр» обосновывается выбор термина «метафизические» драмы. Произведения «Манфред», «Каин» и «Небо и Земля» жанрово определяются как «философские» (Аникст, Елистратова), или «метафизические» (Трублад), или «умозрительные» (speculative) (Марчанд) драмы.¹ Синонимичными являются термины «драматическая поэма» (М. Кургинян) и «лирическая монодрама» (А. С. Ромм). В характеристиках, данных им Байроном, намечена линия объединения через ключевое слово «метафизический». В связи с этим представляется, что, при равнозначности терминов «метафизические» драмы, «философские драмы» и «умозрительные драмы», предпочтение следует отдать сочетанию со словом «метафизический».²

В «Каине» и «Небе и Земле» жанр философской («метафизической») драмы приобретает особенные черты, связанные с обращением автора к

¹ Аникст А. А. Байрон-драматург // Джордж Гордон Байрон. Пьесы. - М.: Искусство, 1959. - С. 5 - 23; Елистратова А. А. Байрон. - М.: АН СССР, 1956. - 264 с.; Ромм А. С. Байрон. - М., Л.: Искусство, 1961. - 139 с.; Кургинян М. С. Джордж Байрон. - М.: Художественная литература, 1958. - 216 с.; Trueblood P. G. Lord Byron. - Boston: Twayne Publishers, 1977. - 177 p.; Marchand L. A. Byron's Poetry. A Critical Introduction. - Cambridge: Cambridge University Press, 1968. - 319 p.

² См., например: Lord Byron. Letter to D. Kinnaird, September 11, 1821 // Lord Byron. Letters and Journals. Vol. 9. - P. 32.

сюжету Ветхого Завета. Байроновские мистерии, замещая сакральное пространство церкви пространством сознания «идеального читателя» и религиозно-общественную освященность действия освященностью авторского намерения, совершают переворот внутри жанра.

Важнейшим компонентом жанра и всей структуры философской («метафизической») драмы у Байрона является литературный миф. Индивидуально осмысляемый миф о потерянном рае предстает смысловым центром трех «метафизических» драм; выстраивая их концептосферу, он вступает в глубинный диалог с библейским текстом. Так же, как миф о рае у других английских романтиков, байроновский «потерянный рай» представляет собой миф о самопознании. У Байрона, однако, движение в мифе не раскручивается вверх по спирали, как у других поэтов-романтиков,¹ но линейно устремляется вниз, от счастья к падению. Линейное движение падения в байроновском мифе о рае осложняется его повторением в истории человечества в целом. Архетипом этого пути и «ядром» байроновского мифа является индивидуально осмысленный образ библейского Эдема (с акцентами на его потере, падении и вине человека).

Путь самопознания в байроновском мифе начинается с отчуждения от Бога и мира и необходимо включает в себя богоборчество. Отчуждение человека от Бога в байроновском мифе вводит, в то же время, возможность иной «точки зрения», оставляет надежду на обретение «нового» блаженства и размыкания «дурной» цикличности человеческой истории.

Байрон в «метафизических» драмах движется от изображения современного человека-титана в состоянии отчаяния после падения-самоосознания («Манфред») к описанию поисков ветхозаветной праличностью рая познания («Каин») и далее к изображению людей - персонажей Ветхого Завета, осознающих свою вовлеченность в историю и в связи с этим понимающих невозможность личного и общего блаженства

¹ Abrams M. H. *Natural Supernaturalism. Tradition and Revolution in Romantic Literature.* - L., N.-Y.: Norton, 1973. - P. 187.

(«Небо и Земля»). Важнейшими смысловыми узлами в байроновском мифе о рае являются вера, знание, свобода, любовь. Рассматриваемые как концепты, эти смысловые узлы закономерно становятся фокусом сопоставления оригинальных текстов Байрона и метатекстов Бунина в следующем разделе.

Во втором разделе «*Переводы Бунина из Байрона: особенности соответствия концептосфер*» концепты Faith, Knowledge, Freedom, Love, составляющие основу концептосферы «метафизических» драм Байрона, сопоставляются с концептами Вера, Знание, Свобода, Любовь, формирующими концептосферу метатекстов. Сопоставление концептосфер концентрируется на языковом уровне текстов, поскольку именно он является полем наиболее яркого проявления «своего» в адекватном бунинском переводе. Вместе с тем, особенности языковых соответствий влекут за собой несовпадения оригинала и перевода на уровнях образном и мотивном. С опорой на идею Ю. С. Степанова о вербально выраженном концепте структура байроновских и бунинских концептов описывается как трехслойный «смысловой сгусток», состоящий из внутренней формы, исторического слоя и актуального (авторского) слоя.

Среди особенностей байроновского концепта Faith важнейшими устанавливаются следующие: 1) жесткость иерархических отношений управления-подчинения; 2) закреплённость большинства элементов мировой иерархии за определенным классом (порядком); 3) нарушенная обратная связь в «круговороте общения»; 4) недостижимость, властность и неличностность образа Бога. В бунинском концепте Вера отношения отделенности и противопоставленности в мировой иерархии смягчаются; значение закреплённости ее элементов за местом или классом проявляется в меньшей степени; намечается движение к восстановлению диалога между человеком и Богом и человеком и миром; образ Бога вырисовывается более личностным, и более достижимым.

Центром байроновского концепта Knowledge является «дух», представляющий как активная, познающая, бессмертная субстанция. Особое

значение в концепте приобретает романтически-трагическое, основанное на принуждении, противостояние духа телу, которое порождает *разрыв* между человеческим «я» (I) и «духом», заключенным в нем. Этот разрыв обнаруживается в различии ведущих способов познания мира личностью (сознанием, связанным с телом) и его духом. Если личность познает с помощью анализа и физически-эмоциональных ощущений, то дух мыслит «над» вещами, являя знание в виде априорных представлений. Этот разрыв ведет к неподвластности мысли человеку, к трагическому ощущению предельной ограниченности своих знаний в сравнении со скрытыми устремлениями и возможностями «духа» и к столь же трагическому осознанию «прикованности» духа к телу. В метатекстах значения власти и сопротивления в концепте смягчаются, намечается движение к уменьшению разрыва между человеческой личностью и его «духом». Познание мира личностью вырисовывается менее аналитичным и эмпирическим и более целостным. Несколько смягчается байроновская трагичность несоответствия устремлений возможностям человека.

Важнейшими значениями концепта Freedom в «метафизических» драмах Байрона являются значения гражданской свободы, свободы духовной жизни и нормативной свободы элемента мироздания. Во всех трех значениях свобода предстает предельно ограниченной. Субъектом, носителем так понятой свободы в потенции является человеческая личность. Третье понимание свободы предполагает другого носителя-субъекта, а именно: элемент, или атом мира, взятый без учета его индивидуальности. В эту часть концепта трагическое звучание входит вместе с мотивом хаоса и с представлением о неустойчивости миропорядка. В русском концепте Свобода намечается расширение границ свободы личности, ослабление трагического противостояния личности всемирному порядку; при этом в метатексте значение нормативной свободы (и ее потери) звучит очень приглушенно.

Среди основных значений концепта у Байрона вырисовывается еще один – свобода как возможность неограниченного движения, действия. Субъектом, в котором такая свобода осуществлена в наибольшей степени, у Байрона предстает природа; субъектом, воспринимающим и стремящимся к ней – человек. Неограниченная свобода в образе природного мира у Байрона является отражением потенциальной неограниченной свободы духа. В этом значении концепт Freedom у Байрона сближается с отдельными значениями русского «воля». Тем необходимее отметить, что Бунин ни в одном из случаев изображения такой свободы не дает слова «воля» в переводе; более того, он, в отличие от Байрона, подчеркивает не столько качество безграничности, сколько качество пустынности пространства.

В концепте Love в байроновских драмах обнаруживаются три основных значения – «любовь к человеку», «любовь к природе» и «любовь к Богу» (и Бога к человеку). Для любви в первом значении особую важность приобретают оппозиции «любовь - знание», «любовь - жизнь» и «любовь - праведность», глубинно связанные с трагической противоречивостью человеческой природы. Действие этих трех оппозиций в поле концепта определяет его трагическое звучание. Трагическое звучание любви к Богу связано с неизбывностью соперничества с ней любви к человеку, с одной стороны, и жажды свободы и познания, с другой. Наименее трагично определяется у Байрона значение любви к природе, связанной не только с притяжением к ней свободного «духа», работающего в человеке, но и с проглядыванием сквозь красоту природного мира «иного», вечного бытия. В метатекстах намечается ослабление звучания оппозиций в концепте, смягчение значения противоборства в отношении любви к Богу и к человеку; наблюдается движение к приближению образа Бога к человеку, к большему просвечиванию божественного в природном мире.

В заключении утверждается мысль о том, что рецепция Буниным творчества Байрона есть индивидуальное проявление русского байронизма -

разнообразного и разностороннего восприятия картины мира английского поэта, выраженной через его темы, образы, мотивы.

В истории восприятия Байрона в России особый период представляет собой байронизм Серебряного века. Его основу составляет опосредованность воздействия байроновских произведений на оригинальное творчество русских писателей русской литературной традицией и современными философско-эстетическими концепциями. Другими важными чертами байронизма этого периода являются значимость роли философско-литературной полемики вокруг Байрона в общекультурном диалоге о дальнейших путях развития человечества и углубленность интереса к «метафизическим» драмам Байрона.

Обращение Бунина к переводам «метафизических» драм Байрона отвечало потребности всей европейской культуры на рубеже XIX – XX вв. осмыслить бытийные основы мира. В то же время, оно явилось проявлением индивидуального, творческого сближения русского художника с Байроном. Другими, осознаваемыми и неосознаваемыми, измерениями этого внутреннего сближения являются их жизненные и творческие пути, глубинные импульсы, действующие в поле их художественных миров, их философские взгляды. Основой диалога Бунина и Байрона стали представления о повторяемости истории и о необходимости активного участия в ней; о преобладании «низкого» начала в человеке и о связи человека с Богом; о важности и парадоксальности роли разума в человеческом бытии; о непостижимости онтологических основ бытия, просвечивающих в природном мире.

Особую роль в творчестве английского и русского художников играет библейский миф. В «метафизических» драмах Байрона библейский Эдем является центральным образом байроновского мифа о потерянном рае. Миф о рае вырисовывается в них как трагический вариант романтического мифа о самопознании, с основными смысловыми акцентами в точках веры, знания,

свободы и любви. Эти концепты формируют основу концептосферы байроновских «метафизических» драм.

Бунинские переводы «метафизических» драм Байрона органично и прочно вошли в русское читательское сознание как явление русской национальной культуры. Переводы, в то же время, сохраняют дистанцию между «своим» и «чужим» в передаче байроновских смыслов на уровнях стилистическом, сюжетном, персонажном и отчасти – на уровнях мотивном и образном. Рассмотренные с точки зрения соответствия концептосфер, байроновские «метафизические» драмы и их интерпретации в переводах Бунина обнаруживают сходство и существенные расхождения на уровне языкового оформления текстов – в лексике, семантике, синтаксисе, а также в образной и мотивной системах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Климова С. Б. Миф о рае в «метафизической» драме Байрона «Манфред» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. № 34 (74). С. 225 – 228.

2. Климова С. Б. Дж. Г. Байрон в переводе И. А. Бунина // XV Пуришевские чтения. Всемирная литература в контексте культуры. М.: МПГУ, 2003. С. 114 – 115.

3. Климова С. Б. Концепты культуры в драматургии Дж. Г. Байрона и их интерпретация в русских переводах // Гумбольдтовские чтения. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 72 – 75.

4. Климова С. Б. Мотив хаоса в творчестве Дж. Г. Байрона // II Бодуэновские чтения. Казань: КГУ, 2003. С. 157 – 159.

5. Климова С. Б. Драма «Манфред» Дж. Г. Байрона в переводе И. А. Бунина // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Н. Новгород: НГЛУ, 2003. С. 97 – 98.

6. Климова С. Б. Жанр баллады в рассказе И. А. Бунина «Баллада» // Язык. Культурные концепты. Текст. [Сб. науч. трудов]. Н. Новгород: НГЛУ, 2003. С. 99 – 108.

7. Климова С. Б. Образ России в рассказах И. А. Бунина // Художественный текст и культура. Владимир: ВГУ, 2004. С. 345 – 350.

8. Кирнозе З. И., Климова С. Б. Мистерия Дж. Г. Байрона в интерпретации русских переводчиков начала XX века Е. Зарина и И. Бунина // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 102 - 105.

9. Климова С. Б. Концепт Знание в философских драмах Дж. Г. Байрона и его интерпретация в переводах И. А. Бунина // XVI Пуришевские чтения. Всемирная литература в контексте культуры. М.: МПГУ, 2004. С. 75 – 76.

10. Климова С. Б. И. А. Бунин во Франции // Французский язык и культура Франции в России XXI века. Н. Новгород: НГЛУ, 2004. С. 249 – 252.

11. Klimova S. B. Byron's Turkish Tales and Russian Byronism: Pushkin and the Early Nineteenth-Century Russian Reception of Byron // Byron Journal. V. 33, № 2, 2005. P. 117 – 125.

12. Klimova S. B. The Reception of Byron's Poetry in Russian Literature at the Beginning of the Nineteenth Century // Byron and Orientalism / Ed. by P. Cochran. Cambridge, 2006. P. 254 – 274.

13. Климова С. Б. Хронотоп дороги в поэме Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда»: диалог с традицией // Диалог культур. Литература и межкультурная коммуникация. Н. Новгород: НГЛУ, 2006. С. 104 – 107.

14. Климова С. Б. Библейский миф в творчестве Байрона // Язык. Культурные концепты. Текст. [Сб. науч. трудов]. Н. Новгород: НГЛУ, 2007. С. 43 – 52.

15. Климова С. Б. Вещь в философской поэзии Бунина начала века // Художественная реальность и литературный концепт. Н. Новгород: НГЛУ, 2007. С. 53 – 56.

16. Климова С. Б. Россия и русские в поэзии Байрона // XX Пуришевские чтения. Россия в культурном сознании Запада. М.: МПГУ, 2008. С. 69 – 70.

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000

Подписано в печать 27 апреля 2009 г.

Формат 60х90 1/16

Печ. л. 1, 5

Тираж 100 экз.

Заказ 4066

Типография НГЛУ им. Н. А. Добролюбова

603155 г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31 а

02